

СОЛОВЬИНОЕ ЦАРСТВО

Константин ПАУСТОВСКИЙ

В ДОМЕ Чехова в Ялте, на стене над каминном, Левитан написал очень простой пейзаж — стог сена в осенних поздних сумерках, тех сумерках, когда на траву уже ложится холодная роса.

Левитан оставил Чехову этот пейзаж как подарок от далекой и милой России.

Он очень прост, этот пейзаж. Прост, как все картины Левитана. Перед ними можно стоять и час и два и все же до конца не понять, в чем сила этих элегических красок, в чем тайна этого молчаливого художника, покорившего наши сердца.

Тайна (если это можно назвать тайной) в том, что Левитан показал нам самим всю силу нашей любви к своей родной стране. Он показал нам нашу любовь, застенчивую и до него невысказанную в полной мере.

Помимо этого, он показал нам воочию удивительное явление — открытие человеком второй своей роди-

как кремлевские стены, сосновых боров по горизонту.

Так, мелькнув, впервые появилась и захватила все мое сердце новая родина.

На следующий день в Москве, куда я попал впервые, я пошел в Третьяковскую галерею. Вошел в боковой зал наверху и вдруг снова задохся. Невольные слезы обожгли мне глаза (я тогда очень стыдился слез), — я стоял перед «Золотой осенью» Левитана. Эта картина вошла в мое сознание, как появление такой величавой и облагораживающей красоты, что до тех пор я даже не мог поверить, что такая красота существует на свете.

Все семь дней, какие я тогда пробыл в Москве, я провел в Галерее у полотен Левитана, — изумленный, взволнованный, притихший.

Все дрожало у меня на душе. Я чувствовал, что со мною происходит что-то непонятное. Я не мог тогда еще ясно знать, что происходит со мною.

А происходило величайшее событие в моей жизни, — я нашел свою родную страну. Я уже любил ее до последней прожилки на каждом незаметном дуновом листке. Я был готов отдать этой стране все силы души и тогда еще молодого сердца.

Тогда впервые дошел до меня подлинный смысл таких слов, как «священная земля», «отечество», «отчизна».

С тех пор Срединная Россия стала для меня действительно священной землей и я часто видел ее как в первый раз, — покрытую драгоценным покровом серебряной осенней паутины и залитой сиянием нежаркого солнца.

ЛУЧШЕ всего Левитана можно понять и крепче всего полюбить в глубинах страны, столкнувшись лицом к лицу со всем, что было его поэзией.

Первая «встреча» с Левитаном произошла у меня в Третьяковской галерее. Но сильно запомнилась еще одна из многочисленных, если можно так сказать, «внутренних» встреч с давно умершим художником. Этих встреч на самом деле не было, но часто возникало ощущение, что Левитан был только что здесь, что, конечно, только он мог показать нам те великолепные уголки страны, что сияют в бледной синеве неба, молчат вместе с безветренными водами рек и озер и откликаются эхом на крики кочующих птиц.

Эта встреча случилась в лесистой и пустынной стороне недалеке от Москвы.

Места были глухие, почти бездорожные. Мне пришлось ехать в телеге и переправляться через лесные реки на паромках.

Кончалась весна. Зеленоватое ночное небо слабо светилось над сырыми лесами. Воздух был пропитан холодноватым запахом мокрых доцветающих трав.

Я уснул в телеге. Проснулся я от того, что телега, заскрипев, остановилась на песчаном спуске к реке и возница лениво закричал:

— Эй, Семен, давай перевоз!

— Ладно, ладно! — ответил из ту-

мана хриплый голос. — Тоже торопыга нашелся. Всех птах мне распугаешь. Невежа — и есть невежа!

— Во беда! — шутиливо сказал возница. — Хотя не ездил через этот чертов паром, через Птичий Угод. Тут, верно, — соловьиное царство!

Мы помолчали. За рекой в черных ночных вершинах деревьев начинало светать.

Слабый и чистый свет зари появился в небе. Низко, над самым краем земли висел прозрачный слабый мессяц.

«Вот—Левитан!» — почему-то подумал я и у меня, как в молодости, заколотилось сердце.

Вокруг было очень тихо. Очевидно, перевозчик еще не надумал перевозить нас. Только один раз он зевнул.

Внезапно в зарослях что-то острожно звякнуло, будто кто задел колокольчик. И тотчас высокая трель ударила по черной воде и рассыпалась среди зарослей сусака и кувшинок.

Соловей замолчал, прислушался, потом пустил по реке странные и смешные звуки, будто он полоскал себе горло ночной росой.

— Во, слышали? — спросил возница. — Это он разгон пока что берет. А потом как развернется, — одна красота!

— Невежа! — неожиданно сказал из тумана хриплый голос. — Только и ждали тебя, объяснителя. Дай послушать. Он сейчас даст «лешеву дудку», так ты свою лошаденку держи, — как бы не разнесла.

Возница не обиделся. Он только шепотом сказал мне:

— Сейчас самая будет начала.

И действительно, через минуту по всем берегам в зарослях лозы ударили, как по команде, соловьи.

И утро, казалось, начало от этого разгораться быстрее. И уже была видна нежнейшая алая гряда небольших облаков, что висела с ночи над всем этим лесным краем.

Соловьиный гром нарастал. Заря открыла свои смутные дали. Тогда оказалось, что на востоке, за частоколом лесных вершин, лежит тихая и лучезарная страна, которой нет названия.

И я снова, сам не понимая почему, подумал:

— Левитановская заря...

Потом мы переехали через реку и немного посидели около шалаша перевозчика.

Он с гордостью показал мне свое последнее изобретение, — круглую узкую яму, выложенную ветками лозы.

— Вот! — сказал перевозчик. — Последняя моя модель. У вас в Москве холодильники, — и у меня холодильник. Ты засунь руку, попробуй. Мороз! Дочка мне молоко приносит. Оно тут не скисает никогда. Вот она, дочка, глупышка отчаянная.

Я оглянулся и увидел маленькую спящую девочку на лежанке из досок.

Она усмехалась во сне. Первый луч солнца, густой, как мазок оранжевого золота, упал на сухие ветки шалаша.

Девочка вздохнула во сне. И я подумал, что вся страна похожа на эту девочку — такая же льняная, сероглазая, застенчивая, жалостливая и веселая. И снова я вспомнил о Левитане с благодарностью и грустью.

За рекой потянулся сосновый лес. Все в нем было очень приветливым, даже самые скромные, самые обыкновенные замухрышки — липкие сыроежки и беленькие цветы земляники.

Я снова подумал о Левитане, о том, что в родной земле все хорошо, вплоть до этого слабенького лесного цветка. Если бы нам сказали, что больше мы его никогда не увидим, у многих людей сердце бы сжалось от боли.

Портрет И. И. Левитана работы В. А. Серова.

ны. Пожалуй, никто так глубоко и с такой щемящей силой не любил природу России, как этот выходец из ортодоксального еврейского местечка, где все — и быт, и люди, и природа — были так далеки от той страны, какую он увидел, узнал, полюбил единственной любовью и так великолепно — спокойно и чуть-чуть грустно — воспел.

Средняя полоса России — страна необыкновенная. Достаточно увидеть, как ветер уносит в синешую осеннюю даль лиственный убор лесов, или увидеть, каким застенчивым счастьем блестят глаза белоголового мальчика со свистулькой в руках, — того мальчика, что сидит на песчаном косогоре и тихонько посвистывает, — достаточно увидеть хотя бы это, чтобы сердце сразу, навсегда, навек покорилося этой стране с ее светлой и чистой, как родниковая вода, красотой.

С глубочайшей властью России над человеком бороться нельзя. Миллионы людей нашли Россию как свою вторую родину.

Жизнь Левитана полностью это подтверждает. Для меня с поздней юности лучшей на свете страной стала Средняя Россия. Это вначале удивляло меня самого, — я вырос на юге.

Впервые я увидел Среднюю Россию, когда мне было двадцать лет. Это было осенью. Я ехал из Киева в Москву. Недалеке от Москвы я увидел из окна вагона неправдоподобно синюю, совершенно индиговую маленькую реку, засыпанную желтыми листьями. Я высунулся в окно и вдруг задохся. Отчего я задохся, в то время я еще не догадывался.

Сейчас я хорошо знаю, что задохся тогда от радости, от внезапного приобщения к красоте страны, что проносилась за окнами в холодеющем воздухе.

В лицо светило нежаркое сентябрьское солнце. Я смотрел до головокружения на шумливые рощи, трепет осин и берез, блеск светлых речушек, на поваляе луга, далекие ямщицкие увалы и кромку строгих,